

В совет по защите диссертаций на
соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук
03.2.010.01 на базе федерального
государственного казенного
образовательного учреждения высшего
образования «Омская ордена Почета
академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации» по научной
специальности 5.1.4. Уголовно-правовые
науки (юридические науки)

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7

О Т З Ы В

**официального оппонента на диссертацию Шайденко Даниила Александровича
«Институт задержания в системе законодательства о борьбе с преступностью»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
(специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки)**

Актуальность темы диссертационного исследования, представленного для официального оппонирования, очевидна. Работа посвящена достаточно хорошо известному науке институту задержания лица, совершившего преступление, и его проблемам, не утратившим свою актуальность. В силу своей природы юридическая категория «задержание», имея конституционную основу, обладает универсальным, межотраслевым характером. Конституция РФ допускает кратковременное ограничение свободы и личной неприкосновенности человека во внесудебном порядке (посредством задержания) на срок, не превышающий 48 часов. Но при этом нормативные акты отраслевого уровня, используют названный элемент системы государственного принуждения, во-первых, по отношению к лицам, совершившим противоправные деяния разной степени опасности, вредности (например, преступления и административные правонарушения). Во-вторых, если задержание применяется к лицу, совершившему преступление, то законодательство, регулирующее посткриминальные правоотношения, определяет широкое действие принудительной меры «задержание», как к подозреваемому (исходя из наименования ст. 91 УПК РФ), обвиняемому в совершении преступления, так и осужденному. Указанное обстоятельство предопределяет дискуссию в доктрине относительно внутренней несогласованности правовых норм, содержащихся в основном источнике уголовно-процессуального права, а также дискуссии в вопросе конкуренции уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в

предмете правового регулирования. И в-третьих, полномочием задерживать наделены разные представители государственной власти. Например, задержание лица, совершившего преступление, может производиться не только субъектом, ведущим производство по уголовному делу, но и сотрудником, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (в частности, органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности), военнослужащим (сотрудником) войск национальной гвардии до передачи в полицию. Кроме того, правом задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, наделены и сотрудники полиции, сама же процедура задержания дополнительно регламентирована ст. 14 ФЗ № 3 «О полиции».

Перечисленные обстоятельства в своей совокупности, а также «многослойное», сложноподчиненное, нередко противоречивое правовое регулирование института задержания в системе законодательства о борьбе с преступностью затрудняют правоприменение. В этой связи на комплексных проблемах, в частности, связанных с исчислением сроков ограничения свободы и личной неприкосновенности, определением момента фактического задержания, оценкой правомерности задержания до возбуждения уголовного дела и прочих, не один десяток лет фокусируется внимание уголовно-процессуальной науки. Но не смотря на то, что отдельным уголовно-процессуальным проблемам задержания посвящено более двух десятков только диссертационных исследований (в постсоветский период!), не смотря на законодательные решения последних десятилетий (в том числе заложенный в Концепции судебной реформы уголовного судопроизводства 1992 г. и последующей «тихой революции» Конституционного Суда РФ подход к построению института уголовно-процессуального задержания), неразрешенными до настоящего времени остаются многие, в том числе уже названные, проблемы. Поэтому с учетом современной общественной ситуации институт задержания требует постоянного поиска баланса между интересами публичными и частными, а диссертационное исследование Д.А. Шайденко представляется целесообразным и своевременным.

Целью диссертационного исследования заявлено «совершенствование института задержания в сфере борьбы с преступностью в контексте развития идеи разграничения фактического ограничения свободы и решения о внесудебном аресте» (с. 8).

Автором верно определен круг **задач**, направленных на достижение данной цели (выявить сущность задержания и систематизировать его виды; определить правовую основу и обозначить место в системе права задержания как фактического захвата и доставления и т.д.).

Основные положения, выносимые на защиту, последовательно отражают направленность научного исследования. **Содержание работы** соответствует теме, рукопись состоит из введения, двух глав, объединяющих семь самостоятельных

параграфов, заключения, списка литературы и приложений. Такая структура представляется рациональной, последовательной и логически связанной.

Содержание представленной для оппонирования диссертации, изложенные в ней проблемы и выводы, в том числе выносимые на защиту Положения, относятся к сфере уголовно-процессуальных правоотношений и предмету уголовно-процессуального регулирования. Диссертация Д.А. Шайденко **полностью соответствует Паспорту научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.**

Автореферат диссертационного исследования содержит основные его положения и соответствует ему.

Обоснованность и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций подтверждаются теоретической, нормативной и эмпирической основой исследования. Автором использовано 268 источников, о чем свидетельствует список литературы (с. 188). В качестве эмпирической основы для выводов исследования, сформированной с учетом объекта и предмета, послужили результаты изучения 218 материалов уголовных дел Республики Бурятия, г. Санкт-Петербурга, Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Тюменской областей, результаты анкетирования 224 сотрудников органов внутренних дел, 53 сотрудников органов уголовно-исполнительной системы. Диссертантом изучено 90 представлений органов уголовно-исполнительной системы (в том числе приложенные к ним материалы) о замене наказания, заключении под стражу осужденного и принятые по итогам их рассмотрения судебные акты; решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика судов общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации, в частности, более 70 судебных решений, принятых по результатам рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора. Использовались данные официальной статистики и результаты эмпирических исследований, опубликованные другими авторами. Это позволило диссертанту научно обосновать собственные выводы на основании уже имеющихся научных взглядов.

Научная новизна диссертационного исследования определяется теоретико-методологическим подходом через системный анализ института задержания, используемого в борьбе с преступностью. Хотя проблемы доктрины и законотворчества, озвученные диссертантом, рассматривались в публикациях ученых-процессуалистов, в том числе в работах О.И. Андреевой, Н.В. Азаренка, Б.Б. Булатова, С.И. Вершининой, В.Н. Григорьева, А.А. Давлетова, К.Б. Калиновского, В.В. Кальницкого, К.В. Муравьева, В.В. Николюка, С.Б. Россинского, А.В. Смирнова, О.И. Цоколовой и других, а проблемы задержания неоднократно становились предметом диссертационных исследований, внимание уважаемых ученых было обращено на уголовно-процессуальные вопросы института задержания. Автором же концепция разграничения «фактического» и «юридического» задержания аргументирована дополнительно, что позволило охватить с ее учетом все правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление.

Необходимо отметить следующие положения диссертации, отвечающие критерию новизны:

1. Единая природа задержания в различных правовых сферах является иллюзией, которая дезориентирует правоприменителей. Данное обстоятельство должно быть преодолено не только историческим, но и межотраслевым охватом исследования феномена «задержания». Несмотря на то, что сущность задержания так или иначе заключается в ограничении права на свободу и личную неприкосновенность, единством содержания данный термин не характеризуется (с. 41). Поэтому в предмет уголовно-процессуального регулирования невозможно включить все случаи фактического задержания. Автор настоящего Отзыва неоднократно отстаивал позицию о том, что человеку, чья свобода и личная неприкосновенность ограничена, крайне важно, чтобы время правоограничения отражалось в документах и учитывалось. В связи с чем верно утверждение диссертанта о необходимости самостоятельного урегулирования действий по «фактическому захвату и доставлению» лица, совершившего преступление.

2. В диссертации предложен авторский подход к разграничению этапов задержания. Так, задержание как фактическое ограничение свободы и личной неприкосновенности (пресекательное задержание), то есть силовой захват и доставление, соотнесено с институтом административного права, в то время как действия по процессуальному, юридическому оформлению решения об ограничении свободы и личной неприкосновенности именуется диссертантом обеспечительным задержанием. Более того, в контексте отраслевых мер принуждения (уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного) предлагается сменить наименование с «задержания» на «предварительный арест» (с. 61). Вполне закономерен вывод о том, что в межотраслевой системе категория «задержание» может рассматриваться лишь в ее конституционно-правовом смысле, как составляющая института ограничения конституционных прав и свобод личности.

3. В диссертации обосновано положение о том, что действующие основания задержания подозреваемого во взаимосвязи с их «полицейской» сущностью не соотносятся со спецификой деятельности современных следователей и дознавателей. В связи с этим предложено заменить указанные основания на совокупность сведений, содержащих обоснованное подозрение лица в совершении преступления, и основания применения меры пресечения (с. 116-117.)

4. Рассматривая проблемы исчисления срока «предварительного ареста» в уголовном судопроизводстве, диссертант предлагает и обосновывает модель исчисления его срока с момента принятия процессуального решения. При этом не отрицая значимости заложенной в Конституции РФ и УПК РФ идеи об исчислении срока задержания с момента фактического ограничения свободы передвижения, необходимости признания публично важной роли 48-часового срока задержания для принятия законного и обоснованного решения о заключении под стражу и не снижая его путем вычета времени фактического задержания. В диссертации предлагается оставить органам

расследования конституционные 48 часов, а время, затраченное сотрудниками полиции на захват и доставку (иные действия и мероприятия), учитывать в срок отбывания наказания (с. 130). Безусловно в законе следует определить механизм учета времени фактического ограничения гарантированного ст. 22 Конституции РФ права, которое имело место до его процессуального, юридического оформления. При этом законодатель должен использовать дифференцированный подход к зачету срока ограничений в срок наказания, но в едином временном масштабе независимо от того, применяется ли правоограничение в качестве предварительной процессуальной меры или наказания.

5. Уголовно-исполнительная природа досудебной части предварительного ареста осужденного аргументирована в диссертации отсутствием самостоятельной уголовной или административной ответственности за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы (за исключением ограничения свободы в качестве дополнительного наказания), и особым правовым статусом лица, признанного виновным (с. 163-164). Уникальность данной меры состоит в том, что ввиду судебной процедуры продления она приобретает комплексный характер (уголовно-исполнительный и уголовно-процессуальный).

Отмечая высокую теоретическую и практическую значимость диссертации, оппонент считает, что диссертация Д.А. Шайденко, как и любой другой монографический труд, освещающий содержание и результаты научного исследования, побуждает к определенной дискуссии, вызывает некоторые вопросы и критические замечания.

1. Рассуждая о сущности института уголовно-процессуального задержания и отвечая на вопрос о возможности «включения поимки в процессуальное задержание», в его правовое регулирование (с. 69), диссертант обращается к праву задерживаемого лица на защиту (согласно ст. 48 Конституции РФ каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката). При этом в диссертации имеется убедительное утверждение: «нет проблемы в том, чтобы сотрудники, осуществившие задержание, разъясняли лицу право воспользоваться услугами адвоката и не чинили этому препятствий». Такая позиция представляется сложно реализуемой на практике по следующим причинам. Действительно конституционное право каждого человека получать квалифицированную юридическую помощь в случае задержания за совершение преступления реализуется в рамках специального уголовно-процессуального института защиты. Эволюция указанного права с учетом сформированных Конституционным Судом РФ правовых позиций привела к тому, что сегодня участие в уголовном деле адвоката (защитника) обеспечено фактически с максимально возможно раннего момента.

Однако вариации правовой позиции Конституционного Суда РФ, содержащейся в решении по «делу Маслова» (к примеру, см. Определение от 29.05.2007 № 417-О-О, Определение от 25.04.2019 № 1131-О, Определение от 17.02.2015 № 415-О и др.), уточнили критерий своевременности получения юридической помощи в контексте

безотлагательности ее обеспечения. В связи с чем возникает вопрос: если с задерживаемым сначала производятся следственные (процессуальные) действия, которые носят безотлагательный характер, а затем составляется протокол задержания, или задержание лица, совершившего преступление, и вовсе производилось в ходе оперативно-розыскной деятельности, возможно ли с практической точки зрения незамедлительно (своевременно) обеспечить право воспользоваться услугами адвоката (не чинить этому препятствий)? Если же в этот период задержанный не был обеспечен помощью адвоката, то допустимо ли, по мнению диссертанта, включать это «время поимки» в срок уголовно-процессуального задержания или срок содержания под стражей? В диссертации не показано влияние реализации указанной значимой конституционной гарантии на институт задержания, что требует дополнительного пояснения.

2. В диссертации уголовно-процессуальное задержание сопоставляется с категорией «предварительный арест», на с. 110 предложена новая редакция ст. 91, она поименована «Предварительный арест». При этом автор считает необходимым «отказаться от классических признаков причастности лица к совершению преступления в качестве оснований» предварительного ареста/задержания, но в тексте проектной нормы вновь возвращается к искомым данным о причастности. В таком случае эти данные о причастности будут выступать условием предварительного ареста/задержания? Какой характер они должны иметь? Кроме того, утверждая что «задержание подозреваемого должно применяться по тем же основаниям, что и заключение под стражу» (с. 105), диссертант в качестве оснований в проектной норме о предварительном аресте/задержании ссылается на основания, используемые при избрании любой меры пресечения. Представляется, что это положение требует уточнения.

3. Формулируя определение предложенного на замену категории «задержание подозреваемого» термина «предварительный арест», диссертант вполне обоснованно отмечает в качестве одного из его признаков осуществление в рамках официального уголовного преследования. Вместе с тем очевидно, что еще в стадии возбуждения уголовного дела могут предприниматься меры фактически направленные на изобличение в совершении преступления. УПК РФ точно определяет права лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Можно ли при таком положении дел действия должностных лиц, направленные на ограничение свободы и личной неприкосновенности в ходе проверки сообщения о преступлении, считать «пресекательным задержанием» (в понимании автора диссертации) и как учитывать/засчитывать время этого ограничения?

4. В параграфе 4 второй главы диссертации системно исследованы сущность и отраслевая принадлежность задержания осужденного. Вполне ожидаемым в данном параграфе было бы встретить обобщенные критерии, руководствуясь которыми, автор пришел к выводу о комплексной отраслевой принадлежности института задержания осужденного и к уголовно-исполнительному, и к уголовно-процессуальному праву.

Вместе с тем, следует отметить, что высказанные замечания носят частный, преимущественно дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки работы. Диссертация Д.А. Шайденко является основанной на результатах полноценного научного исследования законченным и обладающим внутренним единством монографическим трудом, выполненным на актуальную тему, отвечающим требованиям научной новизны, теоретической и практической значимости, а также достоверности результатов.

Заключение. Диссертационное исследование «Институт задержания в системе законодательства о борьбе с преступностью» следует признать соответствующим требованиям, предъявляемым к диссертационным работам Положением о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013), а его автора Шайденко Даниила Александровича - заслуживающим присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Доцент кафедры уголовного процесса

Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

кандидат юридических наук

«19» мая 2026 года

Алина Александровна Лукьянова

ПОДПИСЬ ЗАРЕЖАЮ
ЛЬНИК ОД-Р
О.В.ПИМАНКИНА

Данные официального оппонента:

Лукьянова Алина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, тел. раб. 8 (3852) 37-93-95, тел. моб. 8-983-177-45-21, сайт <https://бюи.мвд.рф>, e-mail: lok_doc@mail.ru.